БЕСѢДА ЗА ХЛѢБОМЪ–СОЛЬЮ.

У Ермила, пришедшаго домой въ числѣ безсрочныхъ, былъ зажиточный отецъ. Ермилъ съ набору попалъ въ армію, въ пѣхоту, прослужилъ ни много, ни мало, да честно и въ свою очередь отпущенъ былъ до призыва.

Отецъ обрадовался Ермилу, угощалъ и потчивалъ его — а и того пуще мать напекла ему пироговъ да ватрушекъ — и задумали на праздникъ позвать гостей изъ сосѣднихъ селеній, двоихъ товарищей Ермила, да еще двоихъ безсрочныхъ же, которые воротились почти о туже пору, а служили во флотѣ.

Сошлись они, ѣли–пили чинно, потомъ развеселились за пирогами, да за брагой, и бесѣда пошла по развязнѣе, а старики глядя на нихъ, любовались. Ѣли они и пили — да не въ брагѣ сила, а въ бесѣдѣ. Безъ соли, безъ хлѣба, худая бесѣда; а безъ бесѣды, и хлѣбъ соль въ глотку не пойдетъ.

Вотъ подумаешь, сказалъ солдатъ Токаревъ, жили дома — только намъ и свѣту было что въ окнѣ: анъ на улицу выйдешь — больше увидишь. Не много мы съ тѣхъ поръ на свѣтѣ пожили, да много видѣли. Вотъ и я видалъ иныя прочія земли, примѣромъ сказать: польскую и нѣмецкую стороны, турецкую, гдѣ наголо все турки и Персію, гдѣ тѣже турки — только что черноволосые, да въ черныхъ смушатыхъ шапкахъ да говорятъ по своему, по персидски. Турки однако побравѣе персіянъ, а персіане поплутоватѣе будутъ; а поляки перещеголяли и тѣхъ и другихъ; поудалѣе турокъ и поплутоватѣе персіанъ. А все народъ разный и всякому на уразумѣніе данъ свой языкъ!

Да, много исходили, сказалъ другой солдатъ, Дрягаловъ, а все чай того больше осталось свѣту не исхоженнаго; кто сколько ни хаживалъ, а никто конца свѣту не видалъ!

Хозяйскій сынъ, который угощалъ радушно товарищей, не перебивалъ бесѣды ихъ своими расказами, а чинно слушалъ, да

развѣ только поддакивалъ. Онъ на рѣчь Дрягалова замѣтилъ только, что вотъ–де и у нихъ въ полку былъ старый фельдфебель, съ шевронами во все плечо, такъ и тотъ сказывалъ, что–де никто всего свѣту не исхаживалъ, никто конца ему не видывалъ.

А у насъ старый каптенармусъ былъ, подхватилъ Токаревъ, такъ тотъ ужъ гдѣ не бывалъ! Онъ сказывалъ, что самъ вездѣ былъ и самъ видалъ, что нѣтъ тому свѣту конца.

Ну вотъ, похвалился, сказалъ Дрягаловъ: такъ чтожъ онъ и видалъ–то, коли видалъ что нѣтъ конца? Стало быть, не вравши, и сказалъ бы просто, каптенармусъ твой, что я–де не видалъ его, не доходилъ то есть до конца, а другіе можетъ статься и видѣли.

Матросъ Склянкинъ утеръ губы кулакомъ, а кулакъ чинно вытеръ объ утиральникъ, помоталъ головой, да усмѣхнувшись погрозилъ Дрягалову: Не говори, парень, — вотъ я и не съ эстолько служилъ, можетъ статься, какъ твой каптенармусъ, а видалъ своими глазами, что свѣту нѣтъ конца!

Товарищи вытаращили глаза на Склянкина и не знали, шутитъ ли онъ, или въ росхмѣль чушь несетъ. Что, сказалъ онъ, аль не вѣрится вамъ? — Вотъ хоть побожиться такъ негрѣшно: самъ былъ и самъ видѣлъ, что нѣтъ конца свѣту, а все равно растилается во всѣ стороны, куда ни поди!

Экой ты, молвилъ Дрягаловъ, такъ вѣдь то–то оно и есть: ну, стало быть и ты, хоть и далеко заходилъ, а все до конца не дошелъ.

У кольца нѣтъ конца, сказалъ Склянкинъ, такъ и не найдешь его. Вонъ, гляди тараканъ по квашнѣ бѣжитъ: ну какъ онъ обѣжитъ кругомъ, да воротится на то же мѣсто, такъ видѣлъ онъ, аль нѣтъ, что поперегъ кадки нѣтъ конца?

Всѣ уставили глаза на квашню, старикъ отецъ Ермила оглядѣлъ кадку кругомъ, ровно не вѣрилъ, что тараканъ по ней конца не найдетъ, — а мать Ермила, подпершись ухватомъ, позабыла что хотѣла изъ печи кашу достать.

Поперегъ ту, вѣстимо, что все кругомъ ходить станетъ, обозвался, надумавшись, Токаревъ; такъ вѣдь вдоль клепки пойдетъ — хоть вверхъ, хоть внизъ, все край есть.

А кабы и вдоль, что поперегъ, кругло было, кабы главу большую сдѣлать, шаромъ, да на него пустить таракана, такъ гдѣ бы онъ край нашелъ? Все одно, такова и земля, а мы какъ тараканы по ней ползаемъ. Вотъ вишь, вы пѣшкомъ по свѣту ходите, и много подметокъ изобьете, а того не увидите, что увидитъ тараканъ, а мы, сидя на одномъ мѣстѣ, да вокругъ свѣту обходимъ! Ей право, не хвастаю; въ хвасти нѣтъ сласти; а вышли мы изъ приморскаго города Кронштадта, шли морями два года все впередъ, да не ворочаясь назадъ въ Кронштадтъ же и пришли, какъ вотъ тараканъ вкругъ квашни.

Какъ ни дивно было слушать Склянкина, а глядя на квашню да на таракана надо было ему повѣрить. Старикъ, отецъ Ермила, вытянулся и почесался, будто хотѣлъ обозваться, да видно подумалъ, что

не идетъ ему вмѣшиваться въ бесѣду молодежи и, покачавъ головой, промолчалъ.

Однако, сказалъ Токаревъ, распоясавшись на кашу, однако свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ.

А киты тѣ на чемъ покоятся? спросилъ Дрягаловъ.

Киты на чемъ — подхватилъ Токаревъ — киты на водѣ, на морѣ–окіанѣ.

Да, на морѣ! А морѣ–то на чемъ? чай берега есть!

Море на чемъ, сказалъ Токаревъ, и заткнулъ ротъ ложкой крутой каши, и сталъ въ тупикъ.

Склянкинъ подмигнулъ Ермилу и сказалъ: Вотъ вишь ты и проврался; не съ проста же говорится, что враньемъ свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Видалъ я и окіанъ–море, видалъ и китовъ.

Видалъ? спросилъ Токаревъ, — тѣхъ самыхъ, на которыхъ земля лежитъ?

Ты знай свое, отвѣчалъ Склянкинъ; тебѣ говорятъ, что бабьи сказки.

Ну вотъ, подхватилъ Токаревъ; да вѣдь, сказываютъ, отъ того порою и земля дрожитъ, коли китъ уставши на другой бокъ оборачивается.

Эка притча! Такъ вѣдь китамъ–то надо море, а море, слышь, не безъ береговъ живетъ; а берегъ то земля — вотъ мы съ тобой и на словахъ обошли кругомъ, и пришли туда, откуда вышли: на чемъ же эта земля стоитъ?

На невидимой рукѣ Божьей, отвѣчалъ Токаревъ.

Такъ чѣмъ путать китовъ, да подъ ними опять воду и землю, ты и скажи прямо, какъ дѣло есть: что земля наша, и съ китами, и съ морями, кругла какъ шаръ и стоитъ на невидимой рукѣ Божьей. Это дѣло. Нѣтъ, братцы, великъ китъ–рыба, это правда, да великъ потому только, что всѣ рыбы и звѣри меньше его, а все ему не подъ силу на себѣ землю носить. Онъ и весь–то будетъ сажень въ пятнадцать, много что въ двадцать; это что–ровно пылинка супротивъ всей земли; эту прибаутку придумали старухи на печи.

Ладно, ладно, обозвалась съ печи бабушка Ермила, ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами; у васъ всему старухи виноваты — смотрите, сами состарѣетесь!

Ребята всѣ разсмѣялись. Бабушка здравствуй! сказалъ Склянкинъ, поднявъ стаканъ браги: сто лѣтъ да двадцать, да малыхъ пятнадцать, да со днемъ годъ, да слаще меду въ ротъ!